

УДК 81`23

САМОВЫРАЖЕНИЕ ЧЕРЕЗ ИНУЮ КУЛЬТУРУ: АРМЯНСКИЙ ТЕКСТ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ¹

В.И. Карасик

*Доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания¹,
главный научный сотрудник Центра квантитативной филологии²
e-mail: vkarasik@yandex.ru*

*Государственный институт им. А.С. Пушкина¹
Смоленский государственный университет²*

Рассматривается армянский текст в русской поэзии на материале стихотворений М.Л. Матусовского. Показано, что поэтическое самовыражение через иную культуру представляет собой осмысление и переживание ключевых особенностей мировосприятия другого народа, его судьбы, истории, быта и языка. Ключевыми темами в стихотворениях М.Л. Матусовского являются трагическая история Армении, стойкость характера ее народа, восхищение культурой этой страны, воспевание красоты ее гор, древних храмов и мудрости, отраженной в языке. Лейтмотивом осмысления армянского текста в поэзии М.Л. Матусовского является активное стремление к сопереживанию и к пониманию Другого.

Ключевые слова: поэзия, армянская культура, М.Л. Матусовский, тема, лейтмотив.

Введение.

Армения как близкий, но иной мир находит многомерное выражение в русском языковом сознании. Особую значимость приобретает осмысление армянской культуры в русской поэзии. Эта тема привлекала к себе внимание исследователей [Амирханян 2000; 2021; Галананян 1988; Мкртчян 1967]. В данной работе рассматриваются ключевые способы поэтического описания реалий и ценностей армянского мировосприятия в зеркале русской культуры. Такое отзеркаливание представляет собой разновидность поэтического самовыражения.

Материал и методы.

В качестве материала взяты стихотворения известного советского и российского поэта Михаила Матусовского, размещенные в рунете [Матусовский [http](http://)].

¹ Работа выполнена в рамках гранта РНФ «Электронный ресурс "Армянский текст русской поэзии": репрезентация локального текста русской литературы». Номер проекта 22-18-00339.

Поэтический стиль М.Л. Матусовского (1915-1990) в значительной мере обусловлен его ориентацией на массовую песню как особый тип текста [Алексеева 2012; Андронаки, Васильева 1998; Дьякова 2007; Кострюкова 2007; Плотницкий 2005; Шевченко 2009]. Строки многих песен, написанных этим поэтом, стали родными для всех граждан нашей страны. Достаточно назвать «Подмосковные вечера», «Школьный вальс», «С чего начинается родина», «Черное море мое» (список песен, приведенный в интернете, насчитывает 60 наименований, и каждая из них стала признанным фактом культуры). Песенные тексты, как известно, условно делятся на народные, торжественно-официозные, бардовские, эстрадные и массово-популярные. Именно последние становятся в максимальной степени прецедентными для определенной лингвокультуры, они оказывают существенное влияние на сознание и подсознание народа. Такие тексты должны быть достаточно яркими, но простыми, предельно искренними, но не надрывными. Стилистика таких песен отражает естественный разговорный регистр общения. Вместе с тем у поэта-песенника всегда есть потребность выразить себя и в стихотворениях, которые предназначены для чтения. Тематика таких текстов может быть различной, но понятно, что поэтический отклик вызывают значимые образы и переживания, к числу которых относятся впечатления от прикосновения к иной культуре. Стихотворения М.Л. Матусовского об Армении свидетельствуют о том, что поэт очень близко воспринял реалии, историю и душу этой страны.

Впечатляет поэтическое описание известной картины Григора Ханджяна «Вардананк». На полотне изображено сражение, известное под названием «Аварайрская битва». Это сражение армян с персами произошло в 5 веке (451 г.). Персы пытались навязать армянам свою религию – зороастризм. Армяне отстаивали свое право быть христианами. В кровавом сражении погибло много людей, армия персов насчитывала 200 000 воинов, армян было вдвое меньше. Несмотря на то, что военную победу в этой битве одержали персы, духовная победа осталась за армянами. Персидский шах понял это и признал право своих противников на их религию, их сущность.

*Нет, не верю я в то, что картины безгласны и немы,
Что они остаются, какими написаны были когда-то,
Что герои полотен совсем никогда не стареют,
Что они замирают в однажды им приданных позах,*

*Что в закрытых музеях они не живут своей жизнью,
Что, приткнув их в запасник и сунув на верхнюю полку,
Мы имеем возможность забыть их и сбросить со счета.
Но в пропахшем куреньями сумраке Эчмиадзина,*

*В наши дни продолжаясь, кипит аварайрская битва:
И из пятого века мы с вами отчетливо слышим,
Как железо стучит о железо, как кто-то зовет нас на помощь;
Словно груды камней, разбросаны груды погибших, –*

*Вардапет Егише это видел своими глазами
И, коль надо, готов на кресте перед нами поклясться, –
И персидские копья грозят неминуемой смертью,
И безумные кони копытами топчут убитых,*

*И в сражении нет победителей и побежденных,
И, щитами своими друг друга в бою прикрывая,
До последнего держатся воины Мамиконяна...
Коротка и бедна, к сожалению, память природы:*

*Порастают быльем рубежи исторических схваток,
И былые могилы становятся просто холмами,
И над прошлым смыкаются темные воды забвенья.
Да и память истории тоже порой ненадежна:*

*Там подчищена строчка, а тут – недостача страницы,
Там изъяты бумаги, а тут подтасована правда,
Там подправлена дата, а тут уничтожен свидетель.
Но остра и безжалостна вечная память народа,*

*И пятнадцать столетий отнюдь для нее не помеха, –
На полях гобелена кипит аварайрская битва:
И от вражеских мечей не спасают ни шлемы, ни латы,
И, рыдая, храпят потерявшие всадников кони,
И из краской написанных ран открывается кровотечение...*

Стихотворение написано редким размером – пятистопным анапестом. Возникает переключка с александрийским стихом, повествующим о героических подвигах. Отсутствие рифмы делает это стихотворение предельно строгим. Вспомним о сложенных из камней и лишенных всяких росписей классических армянских храмах. Обратим внимание на длинные строфы, требующие медленного прочтения. В этом тексте даны важные фактические детали – имя полководца, князя Вардана Мамиконяна, павшего в той битве, и историка Вардапета Егише, описавшего сражение и сказавшего: «Смерть неосознанная есть смерть, смерть осознанная – бессмертие». Это полотно было передано в Эчмиадзин, место пребывания главы армянской церкви. Но затем

художник сделал копию этой картины, она размещена в комплексе Каскад, где ее может увидеть каждый. Так описать чужую историю может только человек, испытавший кровавые будни сражений. М. Матусовский был тяжело ранен во время Великой Отечественной войны. В этом стихотворении видно живое острое сопереживание поэта, сопряженное с трезвой оценкой реальности – не всегда можно доверять историческим свидетельствам. Но подлинное произведение искусства отражает настоящую правду, ту сверхреальность, которая выше обиходного понимания фактов.

Восхищение поэта вызвал и другой исторический факт, запечатленный в стихотворении «Гошская легенда». Книги в Армении всегда считались драгоценными свидетельствами мудрости. В Ереване есть уникальный музей «Матенадаран», музей древних армянских книг. Завоеватели понимали значимость книжной мудрости и неоднократно пытались ее уничтожить. Обратим внимание на поэтическое изложение одного из таких событий.

*В душный вечер земля замерла,
Как бы рухнув под тяжестью ноши.
И тогда порешил Тамерлан
Сжечь хранилища книжные в Гоше.*

*Фолианты темнели в ночи
И сверкали на книгах оклады.
Но достаточно было свечи,
Чтобы все загорелось как надо.*

*Пламень в пляску пустился вприсест,
А потом распрямился и вырос.
Не один запылал палимпсест,
Не один задымился папирус.*

*Искры сыпались жарко сквозь тьму,
Груда пепла чадила седая.
И стоял, ухмыляясь, Тимур,
За ухваткой огня наблюдая.*

*И тогда-то, сойдясь под дверьми,
Обо всем сговорившись заранее:
«Ты в обмен все, что хочешь, возьми!» –
Обратились к Тимуру армяне.*

*И сказал хромоногий эмир:
«Раз уж молитесь вы о защите,
Вместо этих бумаг, черт возьми
Вы мне золото ваше тащите!»*

*И во имя спасения книг
Стали люди сносить осторожно
Паутинки цепей золотых,
Золотые чеканные ножны.*

*Много было рогов и ковшей,
Стариками хранимых в подвале.
И невесты из тонких ушей
Вместе с кровью сережки срывали.*

*Сколько было здесь спасшихся книг
И страниц, не лишившихся крова.
И тогда только варвар постиг,
Как в Армении ценится Слово...*

*Если это преданье живет
Вроде сказки, подобно былине, –
Почему же здесь каменный свод
Весь в ожогах еще и поныне?!*

Поэт описывает этот подвиг народа без патетики, сдержанно и сурово. Благодаря М. Матусовскому это подвижничество стало теперь и фактом русской культуры. Обратим внимание на контрастное описание поведения хромого Тимура – сначала он с презрением обращается к побежденным, требуя золота (кстати, его имя в тюркских языках соотносится с понятием «железо», и получается, что книжная мудрость, подлинное золото, перевешивает железную силу клинков). Но затем варвар постиг, что значит Слово (значимо написание с заглавной буквы). Исключительно важен последний катрен стихотворения, в нем выражено не только восхищение, но и понимание боли, которую перенесли люди, спасавшие свою культуру. Эта боль не исчезает.

Незаживающей раной армянского народа является память о геноциде, который устроили турки армянам в 1915 году. Это было спланированное бесчеловечное преступление против незащитных людей, вина которых состояла только в том, что у них иная религия и иная кровь. Конечно, к этому нужно добавить, что геноцид сопровождался грабежами. В стихотворении М. Матусовского «Памятник на горе Цицернакаберд»

повествуется о композиторе Комитасе, который был свидетелем этого немислимого преступления и потерял от этого рассудок.

*С тех пор ночами напролет
Я обречен в бреду метаться.
«Уже весна, а снег идет!» –
Поет безумье Комитаса.*

*В нем – журавлиной песни грусть,
И боль, и кровная обида.
И я со всеми становлюсь
Безвестной жертвой геноцида.*

*Они ведут моих детей,
В укрьтье всех их обнаружив.
Мне руки рубят до локтей,
Чтоб я не мог держать оружия.*

*Они меня лишают глаз,
Чтоб я их лица не приметил,
Чтоб я однажды в судный час
Не мог явиться как свидетель.*

*Землей мне набивают рот.
И мне оттуда нет возврата.
И столько мертвых тел несет
Теченье Тигра и Евфрата.*

*Здесь старицу – за сто лет давно,
Здесь девушке – едва ли двадцать...
Есть раны, коим не дано
Со временем зарубцеваться.*

*«Уже весна, а снег идет».
Как бы в смятенье вся природа.
С лица стирает кровь и пот
Апрель пятнадцатого года.*

*И явь еще страшней, чем сон,
И в красном кажутся снега нам.
И в небе месяц занесен
Кривым султанским ятаганом.*

*И беженцы спешат вразброд,
Как птичья испугнутая стая...
Уже весна, а снег идет,
Ложась на землю и не тая.*

Стихотворение насыщено фактической плотностью деталей. Перед нами описание убийства многих людей, в том числе детей и стариков, упоминаются названия библейских рек Тигр и Евфрат, они входили в состав Османской турецкой империи. Кривой турецкий нож – ятаган – становится символом необъяснимого преступления. Процветающие коммерсанты и врачи в странах Европы читали сводки об этой резне, но представить себе не могли, что через 25 лет запыхают печи Освенцима, где будут гореть их близкие. Поэт находит яркий образ для описания противоестественности геноцида: натающий снег. Эта тема в близкой тональности отражена в стихотворении «Комитас» замечательного русского поэта - Арсения Александровича Тарковского.

*Ничего душа не хочет
И, не открывая глаз,
В небо смотрит и бормочет,
Как безумный Комитас.*

*Медленно идут светила
По спирали в вышине,
Будто их заговорила
Сила, спящая во мне.*

*Вся в крови моя рубаха,
Потому что и меня
Обдувает ветром страха
Стародавняя резня.*

*И опять Айя-Софии
Камень ходит предо мной,
И земля ступни босые
Обжигает мне золой.*

*Лазарь вышел из гробницы,
А ему и дела нет,
Что летит в его глазницы
Белый яблоневого цвет.*

*До утра в гортани воздух
Шелушится, как слюда,
И стоит в багровых звездах
Кривда Страшного суда.*

Обратим внимание на ключевые образы этого стихотворения – кровавая рубаха, зола под ногами, багровые звёзды. Центральный храм Стамбула – Айя-София – кружится перед лирическим героем. В стихотворении упоминается библейский Лазарь, которого воскресил Христос. В этом контексте чудесное воскрешение не приносит радости. Страшный суд, детально описанный в христианских сказаниях, стал реальностью для незащитных жертв резни. Самовыражение в приведенных текстах становится сопереживанием.

Поэты по определению обладают обостренной чувствительностью к слову – как своему, так и чужому. В этом плане представляют интерес стихотворения М. Матусовского, в которых отражено вчувствование поэта в армянский язык.

*В травах весь чердак и весь подвал,
Пахнет дом, как лес, светло и пряно.
Я жалею тех, кто не бывал
В мире Аршавира Торосяна.*

*Тех, кому труды его чужды
И кому чужда его затея
День убить на сборы череды
Или на калачики алтея.*

*Кто к настоям этим не привык,
Лечащим от мала до велика.
Кто не видел, как цветет асмик,
Коловчатка или вероника.*

*Надо хоть на несколько минут
От всего на свете отрешиться,
Зная, что тебя за склоном ждут
Барбарис, козлятник и душица.*

*Мерно погружаясь в полутьму
Лес его одаривает щедро.
Сами в руки просятся к нему
Зверобой, барвинок и эфедра.*

*Он и впрямь в характер трав проник,
Их секреты запросто решая.
Кто же он, поэт или травник, –
Разве в этом разница большая?!*

*Я всю жизнь скитаться с ним готов,
Поражаясь близости к природе
И гордясь, что имена цветов
У армян – лишь только в женском роде.*

Отметим, что в армянском языке нет категории грамматического рода, но названия цветов совпадают с формами женских имён. В этом тексте выражено очень важное наблюдение: в поэтическом творчестве сама природа начинает изъясняться. Эта мысль, впрочем, прослеживается во многих стихотворениях русских поэтов.

Каждый из тех, кто побывал в Армении, обратил внимание на каменные изваяния – хачкары, обычно имеющие форму надгробного камня, украшенного сложными узорами («хач» на армянском – крест). М. Матусовский отмечает важную особенность этих произведений искусства – они уникальны.

*Этих каменных крестов
На земле десятки тысяч.
Каждый мастер был готов
Свой узор на камне высечь.*

*Как не схожи, погляди,
Их характеры и лица.
Из рисунков ни один
Здесь не должен повториться.*

*Сколько в них сокрыто чувств,
Неразгаданных вопросов...
Я, Армения, учусь
У твоих каменотесов:*

*Верить правде их резцов,
Редкой точности ударов,
Чтоб постичь в конце концов
Золотой закон хачкаров.*

Этот золотой закон, как следует из наблюдений поэта, сводится к уникальности каждого настоящего произведения искусства. Известно, что в живой природе уникален каждый организм. Вывод очевиден: настоящее искусство сродни природе. Для религиозного человека природа есть произведение Творца. Сравнение художника с Создателем представляется очевидным.

Впечатляет лингвистическое чутье М. Матусовского (поэт, кстати, имел степень кандидата филологических наук). Специфика приветствия на армянском языке стала темой его отдельного стихотворения:

*Мир вершин уже очерчен смутно,
Мир низин еще в туман одет.
Вместо восклицанья «С добрым утром!»
Говорят армяне: «Добрый свет!»*

*Добрый свет – арбе, ползущей круто
С перегрузкой, заданной осям.
Очагам и хижинам Цмакута,
Где рожден был Грант Матевосян.*

*Добрый свет – воскресшим вновь колоннам
Под античной синевой Гарни.
И селеньям, по отвесным склонам
Разметавшим тихие огни.*

*С острою начинкой баклажанам,
Ждущим нас сегодня на обед.
Белым облакам над Дилижаном,
Лозам виноградным – добрый свет!*

*Путникам, шагающим устало,
Камням, для которых смерти нет,
Крутолобым горным перевалам
И стадам овечьим – добрый свет.*

*В век, когда земле грозит все чаще
Атомной шизофрении бред,
Есть одно лишь, что непреходяще:
Добрый свет вам, люди, добрый свет!*

В стихотворении упоминаются маленькое село Цмакут, небольшой город на севере Армении Дилижан, посёлок Гарни, в котором можно увидеть древний языческий храм, в этом тексте. Армения показана как

произведение искусства, с ее горными перевалами, селеньями по отвесным склонам, овечьими стадами. Есть некоторая публицистичность в заключительном четверостишии, но это искренняя позиция поэта.

Весьма интересен сонет, посвященный армянскому алфавиту:

*Вот подкова, что потеряли и на счастье нашли соседи.
Вот склонившая ветви ива, что всегда безутешно плачет.
Вот крутой поворот дороги, уводящей нас в неизвестность.
Вот армянский стрелок с оружием, уцеливший в предместьях Вана.*

*Вот подсвечник с двумя свечами, чуть мерцающими во мраке.
Вот два горных речных потока, что сливаются воедино.
Вот певучая дека арфы, где еще не надеты струны.
Вот змея, что, сверкнув на солнце, притаилась под тенью камня.*

*Вот жар-птица, что к нам слетела со страниц рукописной книги.
Вот монах, на колени вставший и о чем-то просящий бога.
Вот проем потайного хода с древней арочной перемычкой.
Вот окно монастырской башни, заменявшее амбразуру.*

*Не однажды еще сравненья для него мне искать придется, –
Предо мной, как открытье мира, золотой алфавит Машицоца,*

В армянском алфавите 36 букв. Некоторые из них обозначают звуки, которых нет в русском языке. Своеобразное отношение к ним в свое время выразил О.Э. Мандельштам: «Дикая кошка – армянская речь – мучит меня и царапает ухо». Приведенный сонет очень своеобразен. Во-первых, очень редко можно найти стихотворения, посвященные буквам, особенно буквам чужого языка. Во-вторых, очень интересны образы, которые увидел поэт в этих буквах. Интересно и то, что стихотворение написано без рифмы (возможно, поэт-песенник иногда от них уставал, хотя его версификаторское искусство безупречно). Стихотворение написано редким размером, трехстопным анапестом с пиррихием, перебивом ритма. В заключительном двустишии, венчающем сонет, мы видим восхищение поэта перед удивительной армянской культурой.

Заслуживает внимания стихотворение М. Матусовского «Лусинэ». Этот текст, озаглавленный женским именем, перекликается с известным произведением Сергея Александровича Есенина «Шаганэ ты моя, Шаганэ».

*Спой мне, спой мне, Лусинэ,
Спой одна иль с хором вместе,
Чтоб ознобом по спине
Пробрало от этой песни.*

*Если хочешь, то начни
Прямо с трудного коленица –
С голубых небес Гарнии,
С горькой участи Чаренца.*

*Что здесь: сцена или храм –
Пусть тебе легко поется,
Как поется по утрам
Ветру древнего Звартноца.*

*Эта песня давних дней
Нас тревожит все сильнее
Всей бездомностью своей,
Всей бездонностью своею.*

*Разве ты тому виной,
Что душа твоя – как птица.
Что смогла в тебе одной
Боль Армении вместиться.*

*Что твоих напевов суть
Все равно невыразима,
Как мерцающий чуть-чуть
Свет свечей Эчмиадзина.*

Перечисление топонимов – Гарни, Звартноц, Эчмиадзин – придает этому тексту фактографическую точность. Значимо столкновение контекстуальных параллелей – бездомность и бездонность. Говоря о бездомности, мы вспоминаем о горькой судьбе народа, в полной мере испытавшего тяготы диаспоры, не случайно для этого в армянском языке есть собственное слово «спюрк». Судьба народа четко определена в выводимом словосочетании «бездонная боль». Но текст значимо завершается символом веры и надежды – это свет свечей Эчмиадзина, религиозного центра армянской культуры.

Восхищение перед Арменией является лейтмотивом следующего стихотворения М. Матусовского:

*По камням острым, как ножи,
Потоки мчат, ища спасения.
Как мне с тобою быть, скажи,
Что делать мне с тобой, Армения?*

*За что мне в дар бесценный дан
Твой мир с горами первозданными
И твой вечерний Ереван
С его поющими фонтанами?*

*Как мне понять Гегарда мрак
Со всей резьбой его настенною,
Куда автограф свой Галдзаг
Врубил рукою дерзновенною?*

*Что делать с дрожью этих струн,
Где в каждой песне скрыто грустное,
Как травки кинза и тархун
Почти в любом из блюд присутствуют?*

*С чем мне сравнить твой тонкий лик,
Который даже поздним вечером,
Как будто небо сквозь ердик,
Всегда старается просвечивать?*

*Как мне постичь характер твой
И это бешенство веселое,
Когда от пляски круговой
И я совсем теряю голову?*

*И у кого мне расспросить,
Как в книжный храм пройти мне следует,
Где до сих пор Нарекаци
На равных с господом беседует.*

Поясним реалии, о которых идёт речь. Армения – горная страна, ее вертикальное измерение выражено в столкновении образов – камни и потоки. Монастырский комплекс Гегард. Гехард хорошо известен благодаря вырубленному в скале храму, который был создан в XIII веке мастером по имени Галдзаг. Храм создавался в скале сверху вниз, от купола до основания, это была сложнейшая архитектурная работа. Отверстие сверху («ердик») служило источником света. Внутренние стены этого храма украшены тонкой резьбой по камню. Поэт называет народные

армянские круговые танцы «веселым бешенством», подчеркивая неукротимую энергию народа. В завершении стихотворения упоминается Григор Нарекаци (950–1003), поэт, философ и богослов, который, по словам поэта, «на равных с Господом беседует». Его «Книга скорбных песнопений» является шедевром религиозной поэзии. Приведу начальные строки (перевод Н. Гребнева):

*Я обращаю сбивчивую речь
К Тебе, Господь, не в суетности праздной,
А чтоб в огне отчаяния сжечь
Овладевающие мной соблазны.*

Как можно видеть, это произведение прямо перекликается с библейскими псалмами.

Выводы.

Поэтическое самовыражение через иную культуру представляет собой осмысление и переживание ключевых особенностей мировосприятия другого народа, его судьбы, истории, быта и языка. Примером такого самовыражения является цикл стихотворений Михаила Матусовского об Армении. Ключевыми темами в этих текстах являются трагическая история Армении, стойкость характера ее народа, восхищение культурой этой страны, воспевание красоты ее гор, древних храмов и мудрости, отраженной в языке. Армянский текст в русской поэзии состоит в активном стремлении к сопереживанию и к пониманию Другого.

Библиографический список

Алексеева Н.А. Особенности восприятия и коммуникативной структуры песенного текста // Концепт и культура: сборник статей (V Международная научная конференция, Кемерово, 8–10 октября 2012 г.). Кемерово, 2012. С.174-179.

Амирханян М.Д. Россия и Армения: Очерки русско-армянских литературных. отношений Ереван, 2000. Ч. 1. 2000. 278 с.

Амирханян М.Д. Армения в зеркале русской поэзии. / Под ред. И.В. Романовой. Ереван: Копи Принт, 2021. 554 с.

Андронаки Г.Д., Васильева В.В. Опыт лингвокультурологического анализа: песенный текст // Антропоцентрический подход к языку. Пермь, 1998. С. 5–24.

Галананян О. Армения в творчестве русских поэтов. Ереван: Советакан грох, 1988. 180 с.

Дьякова Л.Н. Русская авторская песня в лингвистическом и коммуникативном аспектах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2007. 22 с.

Кострюкова О.С. Текст современной популярной лирической песни в когнитивном, коммуникативном и стилистическом аспектах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 24 с.

Матусовский – Все стихи Михаила Матусовского [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://45parallel.net/mikhail_matusovskiy/stihi/ (дата обращения: 13.12.2022).

Мкртчян Л. Это Армения. Стихи русских поэтов. Ереван: Айастан, 1967. 180 с.

Плотницкий Ю.Е. Лингвостилистические и лингвокультурные характеристики англоязычного песенного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2005. 21 с.

Шевченко О.В. Лингвoseмиотика молодежного песенного дискурса (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 21 с.

References

Alekseeva H.A. Osobnosti vospriyatiya i kommunikativnoj struktury pesennogo teksta // *Koncept i kul'tura: sbornik statej (V Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya, Kemerovo, 8-10 oktyabrya 2012 g.). Kemerovo, 2012. S.174-179, 2012. pp.174-179.)*

Amirhanyan M.D. Rossiya i Armeniya: Oчерki russko-armyanskih literaturnyh. otnoshenij Erevan, 2000. Ch. 1. 2000. 278 s.

Amirhanyan M.D. Armeniya v zerkale russkoj poezii. / Pod red. I.V. Romanovoj. Erevan: Kopi Print, 2021. 554 s

Andronaki G.D., Vasil'eva V.V. Opyt lingvokul'turologicheskogo analiza: pesennyj tekst // *Antropocentricheskij podhod k yazyku. Perm', 1998. S. 5-24.(Galananyan O. Armeniya v tvorchestve russkih poetov. Erevan: Sovetakan groh, 1988. 180 s.*

D'yakova L.N. Russkaya avtorskaya pesnya v lingvisticheskom i kommunikativnom aspektah: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2007. – 22 s.

Kostryukova O.S. Tekst sovremennoj populyarnoj liricheskoj pesni v kognitivnom, kommunikativnom i stilisticheskom aspektah: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2007. 24 с

Matusovskij – Vse stihy Mihaila Matusovskogo [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://45parallel.net/mikhail_matusovskiy/stihi/ (data obrashcheniya: 13.12.2022).

Mkrтчян L. Eto Armeniya. Stihy russkih poetov. Erevan: Ajastan, 1967. 180 s.

Plotnickij Yu.E. Lingvostilisticheskie i lingvokul'turnye harakteristiki angloyazychnogo pesennogo diskursa: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Samara, 2005. 21 s.

Shevchenko O.V. Lingvosemiotika molodezhnogo pesennogo diskursa (na materiale anglijskogo yazyka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Volgograd, 2009. 21 s